

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Линь Инин

**Перволичная форма повествования
в русской и китайской дневниковой прозе
(Н.В. Гоголь и Лу Синь, Ю.В. Жадовская и Дин Лин)**

5.9.3 Теория литературы

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва – 2026

Диссертация подготовлена на кафедре теории литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научные руководители: *Исакова Ирина Николаевна*
кандидат филологических наук
Дрейзис Юлия Александровна
кандидат филологических наук

Официальные оппоненты: *Артемова Светлана Юрьевна*
доктор филологических наук, доцент, профессор
кафедры истории и теории литературы
филологического факультета Тверского
государственного университета
Забияко Анна Анатольевна
доктор филологических наук, профессор, заведующий
кафедрой россиеведения и русской филологии
факультета международных отношений Амурского
государственного университета, главный научный
сотрудник Центра изучения дальневосточной
эмиграции Амурского государственного университета
Ларионова Марина Ченгаровна
доктор филологических наук, доцент, заведующий
отделом гуманитарных исследований Южного
научного центра Российской академии наук, профессор
кафедры отечественной и зарубежной литературы
Института филологии, журналистики и
межкультурной коммуникации Южного федерального
университета

Защита диссертации состоится «26» марта 2026 г. в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета МГУ.059.5 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет, ауд. 970.

E-mail: sovet@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3812>

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Н.К. Полосина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена поиску типологических сходжений и различий в генезисе и поэтике перволичной формы повествования в русской и китайской дневниковой прозе (середина XIX века России и начало XX века Китая). Важнейшая функция и семантический признак повествования от первого лица в западной поэтике связаны с раскрытием субъективного восприятия мира¹. Данная форма имеет долгую историю, в ходе которой она неоднократно трансформировалась. Ее истоки восходят к греко-римским философским трактатам, где «я» одновременно выступает как субъект, так и объект описания². Наибольшее распространение перволичное повествование получило в западноевропейской литературе Нового времени³.

В русской литературе перволичное повествование возникло в агиографической литературе, а проникло в светскую только во второй половине XVIII века во многом под влиянием западноевропейской, в это же время появились первые произведения, написанные в жанре дневника. Китайская литература представляет собой самобытную и уникальную традицию, принципиально отличную от европейской. Перволичное повествование как форма эмоционального выражения берет свое начало не в прозе, а в поэзии, которая вплоть до Нового времени оставалась единственным общепризнанным видом художественной литературы⁴. Поэтическая традиция оказала фундаментальное влияние на становление и развитие других литературных форм (новеллы, романа, драмы) и ее эстетика явственно ощущается как на формальном уровне (включение стихов, ритмизация, образность), так и на содержательном (тематика, художественное мировосприятие). При этом подлежащее зачастую отсутствовало как в поэзии, так и в прозе, что способствовало формированию особой категории безличности. В

¹ Атарова К.Н., Лескис Г.А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 4. С. 348.

² Фуко М. Технология себя / Пер. с англ. А. Корбута // Логос. 2008. № 2. С. 106–107.

³ Мельничук О.А. Повествование от первого лица: интерпретация текста. М.: Изд-во Московского университета, 2002. С. 75.

⁴ 张国风. 诗歌的文体强势地位 // 中国人民大学学报. 2014. 第3期. 第98-105页. [Чжан Гофэн. Поэзия как доминирующий литературный жанр // Чжунго жэньминь дасюэ сюэбао. 2014. № 3. С. 98–105.]

результате субъект, как правило, не становился объектом художественного изображения.

Активное усвоение перволичного повествования китайской литературой произошло лишь в период «Движения 4 мая» (1919) на фоне возрастающего интереса к человеческой личности, языковой реформы (в ходе которой подлежащее, выраженное местоимением «я», стало важным компонентом предложения) и влияния западной литературы, в частности заимствования ее нарративных стратегий. Основной формой освоения этого нарратива стали художественные дневники, оформившиеся в устойчивый жанр под названием – «жицзи ти сяошо»⁵. Именно в этот период появилось значительное количество подобных произведений. Согласно статистике Ли Сюйнаня, в 1910-е гг. было опубликовано 14 художественных дневников, в 1920-е – 107, а в 1930-е – 83⁶.

Ярким свидетельством нарративной трансформации стали «Записки сумасшедшего» Лу Синя⁷ – первое сяошо на современном китайском языке, выполненное в форме художественного дневника. В тексте (4051 иероглиф) местоимение первого лица «я» (我) встречается 119 раз. Это произведение также демонстрирует смену нарратива: нарратор «я» совмещает функции повествователя и протагониста, а его субъективное восприятие мира формирует структуру текста⁸. Впоследствии перволичное повествование прочно вошло в китайскую литературу. Как отмечает С.В. Никольская, «дневники, записки, письма как форма художественного произведения, повести и рассказы, написанные от первого лица, есть у Лу Синя, Юй Дафу, Дин Лин, Чжан Таньши, Бацзиня и других классиков

⁵ Жицзи (日记) – дневник. Сяошо (小说) – общий термин для художественной прозы, охватывающий такие формы, как рассказ, новелла, повесть и роман. Жицзи ти сяошо (日记体小说) представляет собой жанр художественной прозы, сознательно стилизованный под форму дневника.

⁶ 李响男. 中国现代日记体小说论: 博士论文. 吉林大学, 2019. 第 133–142 页. [Ли Сюйнань. О современном китайском художественном дневнике: дис. ... канд. филол. наук. Цилинь дасюэ, 2019. С. 133–142.]

⁷ Лу Синь (鲁迅, 1881–1936) — великий китайский писатель, критик и общественный деятель, основоположник современной китайской литературы. Его творчество стало предметом отдельной области исследований — как в Китае, так и в России (т.н. «лусиневедение»). На русский язык его произведения переводились неоднократно, в том числе в рамках фундаментального четырехтомного собрания сочинений (1956) под общей редакцией В.С. Колоколова. Значимым изданием стал также том в «Библиотеке всемирной литературы» (1971), включивший повести и рассказы под общей редакцией Н.Т. Федоренко.

⁸ 陈平原. 中国小说叙事模式的转变. 上海: 上海人民出版社, 1988. 第 93–94 页. [Чэнь Пинъюань. Трансформация нарративных модусов в китайской художественной прозе. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1988. С. 93–94.]

современной⁹ литературы»¹⁰.

В центре диссертационного исследования – **проблема** типологических сходжений и различий перволичного повествования в русской и китайской дневниковой прозе: не только сходства и различия представлений о личности, стоящих у истоков двух культур, но также художественные способы воплощения этих представлений в разных литературных традициях и их трансформация в дневниковой прозе.

Степень изученности вопроса. Особенности повествования от первого лица давно являются предметом исследования в нарратологии, активно развивающейся со второй половины XX века. Ключевой аспект в их изучении – соотношение нарратива и точки зрения, глубоко разработанное в трудах таких теоретиков, как Б.А. Успенский, Н. Фридман, В. Шмид, Ф.К. Штанцель, Ж. Женетт и др. Повествование от первого лица часто рассматривается как тактика ограничения точки зрения. Выделяют два основных типа диегетического нарратора: нарратора-свидетеля и нарратора-протагониста¹¹.

Важным направлением стало изучение ретроспективного повествования, в котором китайский нарратолог Шэнь Дань, вслед за западными коллегами, указала на феномен удвоения и слияния перспектив «я»-повествующего и «я»-переживающего¹². Особый случай представляет собой слияние этих точек зрения, характерное для дневников и записок, где временной разрыв между событием и его фиксацией минимален. В таких текстах на первый план выходит проблема самосознания и самопознания, однако данный феномен до сих пор остается

⁹ В китайском литературоведении для обозначения литературы конца XX – начала XXI века используются термины «современная» (сяньдай 现代) и «новейшая» (дандай 当代). Отсчет «современного» периода принято связывать с публикацией в 1918 г. повести Лу Синя «Записки сумасшедшего», в то время как начало «новейшего» периода датируется либо 1949 г., либо 1980-ми гг.

¹⁰ Никольская С.В. Перволичностная форма повествования в современной китайской литературе // Проблемы литератур Дальнего Востока. VII Международная научная конференция. 29 июня – 3 июля 2016 г.: сборник материалов. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2016. Т. 1. С. 260.

¹¹ См., напр.: Женетт Ж. Фигуры: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. С. 254; Мельничук О.А. Повествование от первого лица: интерпретация текста. М.: Изд-во Московского университета, 2002. С. 77; Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 91; Friedman N. Point of View in Fiction: The Development of a Critical Concept // PMLA. 1955. Vol. 70. № 5. P. 1175–1176.; и др.

¹² Shen Dan. Difference Behind Similarity: Focalization in First-Person Narration and Third-Person Center of Consciousness // Acts of Narrative. Ed. Carol Jacobs and Henry Sussman. Stanford: Stanford UP, 2003, P. 89–90.

недостаточно изученным.

Рассмотрение повествования от первого лица тесно связано с проблемой самопознания и культурной идентичности. Данный аспект нашел серьезное теоретическое обоснование в работах классиков литературоведения. Согласно Ю.М. Лотману, в системе текстов «Я – Я» (процессе автокоммуникации) происходит перестраивание самой личности и дневниковые записи как классический пример автокоммуникации «делаются не с целью запоминания определенных сведений, а имеют целью, например, уяснение внутреннего состояния пишущего»¹³. М. Фуко, анализируя истоки представления о «я» в греко-римской философии (Платон, Сенека) и его трансформацию в христианских трудах (Иоанн Кассиан, Тертуллиан), показывает, что, когда человек пишет для себя, его «я» выступает как предельная реальность текста, становясь одновременно субъектом и объектом описания. Этот процесс детализирует личный опыт, отражает историческое конструирование идентичности и развивает культуру заботы о себе¹⁴.

В XXI веке фокус исследований сместился в сторону проблем идентичности и интертекстуальности, что отразилось в терминологическом обновлении. В дополнение к классическому «повествованию от первого лица» появился более удобный для нас термин – «перволичное повествование». Он оказался особенно продуктивным для анализа модернистской и постмодернистской прозы, позволяя исследовать сложную идентичность повествующего субъекта¹⁵. Наглядной демонстрацией аналитического потенциала этой категории служит, в частности, работа О.Е. Романовской «Разновидности перволичной формы повествования в постмодернистской прозе»¹⁶. Исследовательница выделяет четыре разновидности такого повествования: полицитатный иронический нарратив, исповедь антигероя,

¹³ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 25.

¹⁴ Фуко М. Технология себя / Пер. с англ. А. Корбуа // Логос. 2008. № 2. С. 106–107.

¹⁵ См., напр.: Геймбук Е.Ю. «Преодоление чуждости чужого...»: функции интертекстуальных элементов в перволичном повествовании (На материале романа В. Каверина «Два капитана») // Русский язык в школе. 2017. № 4. С. 45–51; Кучина Т.Г. Между воспоминанием и грезой: биографический сюжет в перволичном повествовании (на примере прозы Николая Кононова) // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. № 12. 2008. С. 268–272.

¹⁶ Романовская О.Е. Разновидности перволичной формы повествования в постмодернистской прозе // Гуманитарные исследования. 2023. № 4. С. 103–108.

пародийный оправдательный монолог, необарочный сказ. Эти формы «я-повествования» активно используют интертекстуальность, иронию и авторские маски для художественного осмысления экзистенциальных проблем, особенностей современного сознания и его зависимости от социокультурного контекста.

Вопросы самопознания, культурной идентичности и перволичного повествования находятся на стыке изучения «мемуарной литературы», «психологической прозы», «промежуточной прозы», «эго-документов», «дневниковой прозы» и т.д. Исследователи интерпретируют эти жанры как тексты самопознания и культурной памяти, в которых собственное «я» рассматривается во взаимодействии с динамикой общественной мысли, революциями, войнами, женской эмансипацией и другими социальными процессами. Следовательно, перволичное повествование предстает не как изолированный прием, а как центральный элемент широкого проблемного поля, изучаемого в трудах Л.Я. Гинзбург, М.Ю. Михеева, И.Л. Савкиной и других, где через личный опыт реализуется историческое конструирование идентичности¹⁷.

Важным аспектом анализа дневниковой прозы стало ее соотнесение с мемуарами, автобиографиями, исповедями, записками, письмами и т.п.¹⁸. Широкий подход к интересующему нас понятию демонстрирует М.Ю. Михеев, включая в него наряду с дневниками также записные книжки, мемуары, исповеди, письма, записи снов, фенологические наблюдения, путевые заметки, лирические отступления, абстрактные рассуждения и даже разговор с самим собой¹⁹.

В русском литературоведении в рамках изучения дневниковой прозы особое внимание уделяется писательским дневникам²⁰. Ученых привлекают стилевые и

¹⁷ См.: Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. О литературном герое. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.; История в эго-документах: исследования и источники / Гл. ред. Н.В. Суржикова. Екатеринбург: АСПУр, 2014. 336 с.; Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М.: Водолей Publishers, 2007. 262 с.; Савкина И.Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 438 с.; и др.

¹⁸ Боброва О.Б. Дневник К.И. Чуковского в историко-литературном контексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Волгоград, 2007. С. 63; Пономарева Е.В. Дневниковая проза: маргинальное пересечение с другими документально-художественными формами // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 4-5 (9). С. 129–132.

¹⁹ Михеев М.Ю. Записные книжки и дневники (30 гг.): Михаил Пришвин, Павел Филонов, Андрей Платонов // Сайт Universitas personarum. М.: НИВЦ МГУ, 2002. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/research/miheev/filpri.htm> (дата обращения: 21.11.2025).

²⁰ См., напр.: Иващенко Е.Г., Андреева Е.И. Дневниковая проза Марины Цветаевой // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 54. С. 151–154; Колядина А.М.

структурные особенности этих текстов: фрагментарность, фактографичность и художественность. Вместе с тем анализируется баланс лиричности и эпичности, субъективности и объективности. Значительный вклад в систематизацию жанра внес О.Г. Егоров, разработавший типологию литературных дневников с учетом личности их автора: экстравертивный, интровертивный, переходящий, осциллирующий виды²¹.

В науке предпринимаются попытки провести границу между подлинным и художественным дневником. Так, М.В. Ромашкина определяет художественные дневники как «записки совершенно вымышленного лица, литературного героя»²², где фрагментарность и синхронность повествования используются как сознательный литературный прием. Часто такая форма рассматривается и как способ изображения человеческой души. Например, О.Г. Егоров видит ее задачу в «изображении внутреннего мира героя, глубин его души»²³. Ярким примером служит повесть «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя. Отмечая сложную жанровую природу данного произведения, в котором обнаруживаются элементы дневника, писем, исповеди и автобиографии, А.В. Скрипник указывает, что оно, будучи актом самосознания и самопознания героя, сближается с психологической и дневниковой прозой²⁴.

В китайском литературоведении многочисленные труды посвящены нарративным, стилистическим и идейным особенностям именно художественных дневников. В монографии Чэнь Пинъюаня дневниковая форма рассматривается как эффективный способ ограничения точки зрения нарратора, а произведения периода «Движения 4 мая» смещают акцент с внешних событий на самовыражение²⁵. В

Специфика дневниковой формы повествования в прозе М. Пришвина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Самара, 2006. 215 с.; Субботенко С.С. Композиционно-синтаксическая организация дневниковой прозы (на материале немецкого языка) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 1 (28); Федотова В.В. Поэтика дневниковой прозы И.А. Бунина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Казань, 2010. 182 с.; и др.

²¹ Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века: история и теория жанра. М.: ФЛИНТА, 2022. С. 134–146.

²² Ромашкина М.В. Дневник как литературная форма (С. Киркегор, М.Ю. Лермонтов, Ф. Кафка, А. Камю, Ж.-П. Сартр): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08, 10.01.03. М., 2016. С. 23.

²³ Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века: история и теория жанра. М.: ФЛИНТА, 2022. С. 237.

²⁴ Скрипник А.В. Специфика жанра «записок» в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя и «Сильфиде» В.Ф. Одоевского // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 15–17.

²⁵ 陈平原. 中国小说叙事模式的转变. 上海: 上海人民出版社, 1988. 第 218 页. [Чэнь Пинъюань.

диссертации Ли Сюйнаня выделяются три этапа развития жанра в первой половине XX века: зарождение (1910-е), расцвет (1918 – конец 1920-х) и упадок (с середины 1930-х)²⁶. Исследователь проследил путь развития жанра от внешней социальной критики к внутреннему самоанализу и обратно. Художественные дневники, по видимому, оказали большее влияние на трансформацию перволичной формы в китайской литературе, чем в русской. Однако комплексный сравнительный анализ перволичной формы повествования не проводился.

Для сопоставления в настоящей работе выбраны репрезентативные тексты эпохи «культурного взрыва», где перволичное повествование ведется от лица маргинальных субъектов – «сумасшедшего» и женщины. В русской и китайской литературах есть прямые параллели: «Записки сумасшедшего» (1835) Н.В. Гоголя и одноименное произведение (Куанжэнь жици 狂人日记, 1918) Лу Синя, «Отрывки из дневника молодой женщины» (1848) Ю.В. Жадовской и «Дневник Софьи» (Шафэй нюйшидэ жици 莎菲女士的日记, 1928) Дин Лин²⁷.

Одноименные повести Гоголя и Лу Синя уже были предметом сравнительных исследований, в которых рассматривались сходства и различия двух текстов, заимствования в области образной системы, стиля, жанра, повествовательной манеры и тематики²⁸. Замечено, что Лу Синь перенял у Гоголя форму дневника, образ «сумасшедшего», перволичное повествование, а также иронию как

Трансформация нарративных модусов в китайской художественной прозе. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1988. С. 218.]

²⁶ 李昉男. 中国现代日记体小说论: 博士论文. 吉林大学, 2019. 第 120 页. [Ли Сюйнань. О современном китайском художественном дневнике: дис. ... канд. филол. наук. Цзилинь дасюэ, 2019. С. 120.]

²⁷ Дин Лин (丁玲, 1904–1986) — одна из великих китайских писательниц XX века. Она прославилась своей ранней прозой (например, «Дневник Софьи»), с которой в Китае начало развиваться направление исповедальной женской литературы. Впоследствии ее творчество эволюционировало в сторону социалистического реализма. Роман «Солнце над рекой Сангань» (Тайян чжао цзай Санганьхэ, 1948) о земельной реформе в деревне был переведен Л.Д. Позднеевой (1949) и был удостоен Сталинской премии (1952). Другие ее работы были представлены в сборнике «Избранное» (1954) с предисловием той же переводчицы.

²⁸ См., напр.: Ли Аньци. История изучения повести «Записки сумасшедшего» Лу Синя в Китае в контексте влияния одноименного произведения Н.В. Гоголя // *Litera*. 2019. № 4. С. 26–34; Ли Аньци. Образ сумасшедшего в творчестве Н.В. Гоголя и Лу Синя // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2020. № 3. С. 85–93; 邵伯周. 《狂人日记》研究三题 // *上海师范大学学报. 哲学社会科学版*. 1983. 第 2 期. 第 22–24 页. [Шао Бочжоу. Три вопроса о «Записках сумасшедшего» // Шанхай шифань дасюэ сюэбао. Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань. 1983. № 2. С. 22–24.]; 王富仁. 鲁迅前期小说与俄罗斯文学. 天津: 天津教育出版社, 2008. 第 176 页. [Ван Фужэнь. Ранние повести Лу Синя и русская литература]. Тяньцзинь: Тяньцзинь цзяоюй чубаньшэ, 2008. С. 176.]; и др.

инструмент для социальной критики. Однако ученые единодушно подчеркивают, что Лу Синь не просто подражал, а создал глубоко оригинальное произведение. Ключевые различия лежат в идейной сфере. Если Поприщин – жертва социальной иерархии, то герой Лу Синя – это сознательный борец с феодальными устоями и старыми порядками. Критика Лу Синя направлена не на отдельный класс, а на всю традиционную культуру. В стилевом отношении повесть китайского автора часто определяется как синтез реализма, романтизма и символизма, в то время как произведение Гоголя относят преимущественно к критическому реализму. Однако специфика первоначальной формы повествования, основанная на разных представлениях о личности в творчестве двух писателей, а также в русской и китайской культурах, остается разработанной недостаточно.

В свою очередь типологические схождения наблюдаются в женском повествовании двух культур, представленном в дневниковой форме, однако их сравнительный анализ в интересующем нас ракурсе до сих пор не проводился. «Отрывки из дневника молодой женщины» Ю.В. Жадовской — одна из первых повестей в форме дневника в русской женской литературе, раскрывающая внутренний конфликт и сложные переживания главной героини – мыслящей женщины той эпохи²⁹. «Дневник Софьи» Дин Лин отличается беспрецедентной субъективностью: открытым выражением женского сексуального влечения и внутреннего конфликта, что подтверждается частотностью использования местоимения «я» (1073 раза в 639 предложениях)³⁰. Объединяет эти произведения не только жанр, но и ключевая роль в развитии первоначального повествования и литературного психологизма.

Таким образом, устойчивый интерес ученых к заявленной проблематике, недостаточная разработанность теории первоначального повествования в рамках исторической поэтики и компаративистики, сохраняющиеся лакуны в осмыслении

²⁹ Войтенко И.В. Проза Юлии Жадовской: жанровое и стилевое своеобразие: дис. ... канд. филол. наук. М.: РГБ, 2007. С.41–71.

³⁰ 刘知凝. 莎菲的“声音”——《莎菲女士的日记》的女性主义叙事学分析 // 名作欣赏. 2025. 第8期. 第90–92页. [Лю Чжинин. «Голос» Софьи – феминистский нарратологический анализ «Дневника Софьи» // Минцзо синьшан. 2025. № 8. С. 90–92.]

специфики художественного изображения личности в русской и китайской литературах обусловили **актуальность** диссертации.

Научная новизна работы:

1. Впервые проведено систематическое сопоставление перволичного повествования в русской и китайской литературах и определены особенности этой художественной формы с учетом ее генезиса и национальной специфики.

2. Установлены типологические схождения, учитывающие культурно-исторические различия, в художественных дневниках сумасшедшего Н.В. Гоголя и Лу Синя, женских дневниках Ю.В. Жадовской и Дин Лин.

Объект исследования – перволичное повествование в русской и китайской дневниковой прозе (середина XIX века и начало XX века соответственно), его истоки, типологические особенности. **Предмет** сравнительного анализа – семантика и функции перволичной формы в русской и китайской поэзии и повествовательной литературе, ее трансформация в художественных дневниках русских и китайских писателей, творчески воплотивших репрезентативные случаи повествования двух субъектов – «сумасшедшего» и женщины.

Материалом для прослеживания истоков перволичной формы послужили русская (Е.А. Баратынский, А.С. Пушкин, А.А. Фет) и китайская (Цюй Юань (屈原, 340?–278? до н.э.), Ли Бо (李白, 701–762), Ду Фу (杜甫, 712–770)) поэзия, автобиографическая исповедь (протопоп Аввакум), танские новеллы (Ван Ду (王度, 585?–625?), Чжан Чжо (张鷟, 660?–740?), Юань Чжэнь (元稹, 779–831)) и сунские записки (Фань Чжунъянь (范仲淹, 989 – 1052), Оуян Сю (欧阳修, 1007 – 1072)). Для детального сопоставительного анализа трансформации повествования от первого лица в дневниковой прозе были выбраны две пары текстов: повесть-дневник «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя и одноименное произведение Лу Синя; «Отрывки из дневника молодой женщины» Ю.В. Жадовской и «Дневник Софьи» Дин Лин. В соответствии с принципом историзма критерием сопоставимости выступили сходства в литературном процессе двух стран: усвоение русской литературой середины XIX века и китайской литературой начала XX века

западноевропейских традиций перволичного повествования, в рамках которого происходило осмысление человеческой личности. С целью выявить специфику перволичного повествования в китайской литературе и проследить эволюцию данной формы были проанализированы четыре художественных дневника 1930–1940-х гг.: «Праздник фонарей» (Шаньюань дэн 上元灯, 1929) Ши Чжэцуня (施蛰存, 1905–2003), «Записки из мира духов» (Гуйту жици 鬼土日记, 1931) Чжан Тяньи (张天翼, 1906–1985), «Распад» (Фу ши 腐蚀, 1941) Мао Дуня (茅盾, 1896–1981) и «Палата № 4» (Дисы бинши 第四病室, 1945) Ба Цзиня (巴金, 1904–2005). Выбранные тексты являются репрезентативными для решения поставленных в работе задач.

Цель диссертации – выявить генезис и определить особенности поэтики перволичного повествования (с указанием сходств и различий) в русской и китайской дневниковой прозе (середина XIX века России и начало XX века Китая). Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Описать семантику и определить функции первого и третьего лица в поэтическом языке, на материале русской и китайской поэзии (так как на ее основе в дальнейшем формировалась дневниковая проза, в первую очередь в Китае), установить происхождение (с опорой на философские и религиозные основы) категории безличности в этих двух литературных традициях.

2. Охарактеризовать специфику истоков самовысказывания в древнерусской (исповеди) и классической китайской прозе (новеллы и записки).

3. Реконструировать становление перволичного повествования в китайской литературе первой половины XX века на примере художественных дневников Ши Чжэцуня, Чжан Тяньи, Ба Цзиня и Мао Дуня.

4. Выявить контактные связи и типологические схождения (с учетом культурно-исторических различий) в повестях-дневниках Н.В. Гоголя и Лу Синя, Ю.В. Жадовской и Дин Лин.

Теоретические и методологические основы исследования. Базовыми в работе выступают сравнительно-исторический и сравнительно-типологический

подходы, восходящие к трудам академика А.Н. Веселовского. Сравнительный анализ в понимании ученого не ограничивался изучением влияний и заимствований, а был направлен на обнаружение историко-литературных закономерностей, в том числе бесконтактных совпадений между явлениями словесности, возникающими на сходной социокультурной почве: «...история поэтического стиля, отложившегося в комплексе типических образов-символов, мотивов, оборотов, параллелей и сравнений, повторяемость или общность которых объясняется либо а) единством психологических процессов, нашедших в них выражение, либо б) историческими влияниями»³¹. Руководствуясь этим принципом, А.Н. Веселовский привлекал материал необъятного масштаба – как в горизонтальном направлении (русская, византийская, романо-германская литературы), так и в вертикальном (фольклор, древние памятники письменности, средневековая литература, литература Возрождения, литература романтизма). Не менее широк и предмет его рассмотрения, включающий сюжет, мотив, время, пространство, стиль, жанр и другие литературные единицы.

Фундаментальными для нас оказались исследования В.М. Жирмунского, который развивал сравнительно-типологический подход А.Н. Веселовского, подчеркивая его важность и продуктивность для сопоставления западных и восточных литератур: «Стадиально-типологические аналогии в развитии литературы выступают особенно отчетливо в тех случаях, когда отдельные произведения, жанры и стили в литературах, не связанных между собою прямыми взаимодействиями и влияниями, обнаруживают черты более или менее значительного сходства, обусловленного общими социально-историческими причинами. <...> Особенно многочисленные и поучительные аналогии можно отметить между произведениями народного творчества и средневековых литератур Запада и Востока»³². Чтобы преодолеть европоцентризм литературоведения и расширить рамки истории мировой литературы, он обращал внимание на среднеазиатский фольклор.

³¹ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 304.

³² Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. М.: Академический проект, 2023. С. 24.

Сравнительно-исторический подход подтвердил свою плодотворность в литературоведении второй половины XX века, в методологически ценных для нас трудах Е.М. Мелетинского³³, Д.С. Лихачева³⁴, М.М. Бахтина³⁵, Ю.В. Манна³⁶. Современная историческая поэтика продолжает эту традицию, расширяя поле исследований. В ее рамках сформировались такие направления, как этнопоэтика³⁷ (изучение христианской традиции в русской литературе), имагология³⁸ (исследование репрезентации образов народов в литературе другого народа) и др.

Наряду с этим наблюдается рост интереса к Дальнему Востоку. Русский китаист В.М. Алексеев отмечал: «Пришла пора извлечь дальневосточный материал из его дальневосточной оболочки и экзотики! Горизонтальные плоскости должны соединиться с вертикальными»³⁹. Ученый стремился сделать китайскую литературу предметом изучения наравне с литературами других стран, способствуя формированию целостной картины мировой литературы: «Для истории китайской литературы, как и для всякой другой, сравнительные этюды являются существенно важными, поскольку именно они ведут непосредственно к созданию соответствующих частей истории литературы мировой»⁴⁰. Методологический подход В.М. Алексеева, основанный на широком охвате изучаемого материала, соответствует ключевым принципам исторической поэтики: «Сравнительные этюды – наш лозунг. Чем больше сравнений, тем шире и глубже выводы»⁴¹. Вклад ученого в сравнительное литературоведение заключается в том, что он не только

³³ Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки: происхождение образа. М.: Восточная литература, 1958. 264 с.

³⁴ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. 372 с.; Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л.: Наука, 1973. 254 с.

³⁵ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. писатель, 1963. 363 с.; Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

³⁶ Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976. 375 с.; Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. М.: Художественная литература, 1978. 398 с.

³⁷ Захаров В.Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. С. 5–11; Захаров В.Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. М.: Индрик, 2012. 264 с.; Захаров В.Н. Снова о перспективах из учения исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 2018. № 1. С. 11.

³⁸ Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Филологические науки. 2011. № 4. С. 31–40; Сунь Цявень. Развитие русского сравнительного литературоведения: идеи А.Н. Веселовского и В.М. Жирмунского // Нефилология. 2019. № 18. С. 163.

³⁹ Алексеев В.М. Наука о Востоке: статьи и документы. М.: Наука, 1982. С. 383.

⁴⁰ Алексеев В.М. Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве // Алексеев В.М. Труды по китайской литературе: в 2 кн. Кн. 1. М.: Восточная литература, 2002. С. 352.

⁴¹ Алексеев В.М. Наука о Востоке: статьи и документы. М.: Наука, 1982. С. 194.

положил начало сравнительной поэтике китайской и западной литератур, но и углубил типологическую концепцию исторической поэтики, объединив исследования литературных влияний с параллельными исследованиями⁴². Ярким примером служит его работа «Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве». Хотя этих поэтов разделяли три столетия, они, по мнению В.М. Алексеева, вполне сопоставимы, поскольку творили на похожих этапах развития своих литературных традиций, а их произведения посвящены одной теме и выдержаны в сходном духе⁴³.

Аналогичных исследовательских принципов придерживался В.В. Агеносов, сопоставляя жанр антиутопического дневника в творчестве Чжан Тяньи и Лао Шэ (老舍, 1899 – 1966) с романом Е.И. Замятина «Мы»⁴⁴. В работах В.М. Алексеева и В.В. Агеносова европейский текст служит фоном и точкой отсчета для сравнения. Методологического баланса, с нашей точки зрения, достигает также И.Н. Исакова в статье «Конфликт как проблема исторической поэтики», где анализируются сходства и различия в разрешении противоречий в европейской, индийской и китайской литературах, обусловленные мировоззренческими парадигмами⁴⁵.

В китайском литературоведении сравнительный анализ традиционно фокусируется на установлении контактных связей и выявлении прямых влияний. Как отмечает Ван Сяньюань, «русская литература оказала огромное влияние на китайские литературные направления, движения, концепции, творчество писателей и критику литературоведов XX века. Исследования китайско-российских литературных отношений в основном проявляются в изучении рецепции русской литературы современной китайской литературой»⁴⁶. Например, Ван Чжилян в

⁴² 张冰. 试论阿列克谢耶夫的中西诗学比较研究 // 国外文学. 2024. 第 4 期. 第 31-39 页. [Чжан Бин. О сравнительном исследовании поэтики Востока и Запада в работах В.М. Алексеева // Вайго вэньсюэ. 2024. № 4. С. 31–39.]

⁴³ Алексеев В.М. Римлянин Гораций и китаец Лу Цзи о поэтическом мастерстве // Алексеев В.М. Труды по китайской литературе: в 2 кн. Кн. 1. М.: Восточная литература, 2002. С. 352.

⁴⁴ Агеносов В.В. Китайские единомышленники Е. Замятина: Чжан Тяньи и Лао Шэ // Неофилология. 2022. № 4. С. 759–771.

⁴⁵ Исакова И.Н. Конфликт как проблема исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. 2025. № 2. С. 7–28.

⁴⁶ 王向远. 中国比较文学百年史. 银川: 宁夏人民出版社, 2007. 第 197–198 页. [Ван Сяньюань. Столетняя история сравнительного литературоведения в Китае. Иньчуань: Нинся жэньминь чубаньшэ, 2007. С. 197–198.]

монографии «Русская литература и Китай» исследует рецепцию Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова в китайской литературе XX века⁴⁷.

Вместе с тем некоторые исследователи отмечают необходимость совершенствования сложившейся в этой научной сфере методологии. Так, Ли Минбинь полагает, что сравнительное изучение китайской и русской литератур должно опираться на подходы, предложенные русскими учеными⁴⁸. Русист Ян Минмин, в свою очередь, отмечает перспективность данного пути: «Его суть заключается в преодолении ограничений времени, пространства, качества и интенсивности, в соединении литературных явлений разных стран, народов, языков и культур, не имеющих фактических связей, с целью поиска общих литературных закономерностей <...> его применение, без сомнения, является наиболее сложным и предъявляет более высокие требования к структуре знаний и способности к критическому мышлению исследователя. <...> Особенно для России – страны, долгое время балансировавшей между Востоком и Западом, – евразийские свойства ее культуры создают предпосылки для применения метода параллельного исследования. <...> Реформы Петра I и Просвещения в России, политика самоусиления и Движения за новую культуру в Китае – все это оставило глубокий след в литературе обеих стран. Это предоставляет обширные возможности для глубокого изучения и интерпретации в различных аспектах: образов персонажей, тем произведений, сюжетов, стилей, символов, литературных направлений и школ, эстетических концепций и духовных устремлений»⁴⁹.

Ван Цзечжи в своей монографии «Выбор и потеря: культурный взгляд на китайско-русские литературные отношения»⁵⁰ синтезирует анализ как контактных,

⁴⁷ 王智量. 俄国文学与中国. 上海: 华东师范大学出版社, 1991. 386 页. [Ван Чжилян. Русская литература и Китай. Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 1991. 386 с.]

⁴⁸ 李明滨. 走进俄罗斯汉学研究之门 // 国际汉学. 2017. 第 1 期. 第 8 页. [Ли Минбинь. Введение в исследование русского китаеведения // Гоцзи ханьсюэ. 2017. № 1. С. 8.]

⁴⁹ 杨明明. 比较文学视阈下的中国俄罗斯文学研究 (1978–2017) // 浙江工商大学学报. 2018. № 3. 第 75 页. [Ян Минмин. Исследование русской литературы в Китае с точки зрения сравнительного литературоведения (1978–2017) // Чжэцзян гуншан дасюэ сюэбао. 2018. № 3. С. 75.]

⁵⁰ 汪介之. 选择与失落——中俄文学关系的文化观照. 南京: 江苏文艺出版社, 1995. 333 页. [Ван Цзечжи.

так и бесконтактных связей между двумя культурами. По его мнению, активное восприятие русской литературы в современной китайской литературе, начиная с «Движения 4 мая» 1919 г., объясняется социокультурным родством двух народов: сходством исторических условий («отсталость», борьба с феодализмом), культурной психологии (неразвитость гуманистической традиции, консервативное мышление) и социальной роли литературы (ориентация на решение общественных проблем). Распространение западноевропейских идей (таких, как ценность личности) в России, начавшееся раньше, чем в Китае, обеспечило китайских писателей готовым и релевантным образцом, благодаря чему они активно заимствовали демократические и гуманистические идеи, принципы реализма, видя в них инструмент для преобразования национальной психологии. Однако, как подчеркивает ученый, этот процесс сопровождался «утратой»: китайская литература не восприняла религиозно-философские идеи (в частности, концепт покаяния), укорененные в русской культуре, что демонстрирует избирательный характер культурного диалога. Сравнивая образы персонажей (крестьян, «маленьких людей», интеллигентов, женщин), исследователь отмечает типологические схождения и различия, обусловленные спецификой исторических условий Китая⁵¹. Если в русской литературе стремления женщин сосредоточены в основном на идеальной любви, то в китайской литературе героини борются за общественные идеалы.

Для объяснения механизмов функционирования категории лица (перволичность и безличность) в поэтическом языке нами использованы работы Г.О. Винокура, Я.И. Гина, И.И. Ковтуновой, Ю.М. Лотмана, Н.В. Патроевой и др.

С опорой на типологию, предложенную О.Г. Егоровым («Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра»), в нашей диссертации изучаются стиль и композиция дневников: концентрация сознания на внешнем и/или внутреннем мире.

Выбор и потеря: культурный взгляд на китайско-русские литературные отношения. Нанкин: Цзянсу вэньи чубаньшэ, 1995. 333 с.]

⁵¹ Там же. С. 126–127.

Положения, выносимые на защиту:

1. Семантика и функции перволичной формы в русской и китайской литературных традициях имеют как сходства, так и существенные различия. В русской поэзии, наследуя западноевропейскому романтизму, местоимение «я» служит ключевым средством для обозначения и характеристики лирического субъекта. Однако для классической китайской поэзии в целом характерен принцип безличности, обусловленный как пропуском подлежащего, так и эстетико-философскими установками (конфуцианская сдержанность, даосская «скрытость»).

2. Различие между приемами перволичного повествования в русской и китайской прозе определяется религиозно-философскими принципами, на которые опирается литература. Так, в русской литературе, начиная с агиографии, сложилась устойчивая исповедальная традиция. Ее истоки прослеживаются в автобиографических исповедях, а дальнейшее развитие – в классической прозе, включая художественные дневники. Самовыражение в классической китайской прозе (я-высказывание в танских новеллах и классических пьесах) часто отличается либо поверхностно-сентиментальным восприятием мира (когда эмоции и мысли предстают смутными, мимолетными, фрагментарными), либо вниманием к внешнему миру. В классических записках и сяошо, маркированных иероглифом «цзи», авторы стремятся скрыть свою субъективность, избегая местоимений первого лица, поэтому доминирует категория безличности.

3. Утверждение в китайской литературе первой половины XX века перволичного повествования, особенно в дневниковой прозе, стало результатом синтеза зарубежных влияний и национальной традиции. Для этого периода характерны три типа повествования: саморефлексивный, сентиментальный и ориентированный на внешнюю реальность. Их эволюция ознаменовалась переходом от нарратора-протагониста к нарратору-наблюдателю и от психологизма к социальной сатире.

4. На раннем этапе развития жанра художественного дневника выявляются такие особенности, как слияние точек зрения нарратора и персонажа и использование прямого психологизма (самоанализ, рефлексия, внутренний

конфликт, включение «чужого слова»). Эти черты ярко представлены в двух парах текстов: повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» и одноименной повести Лу Синя; повести Ю.В. Жадовской «Отрывки из дневника молодой женщины» и повести Дин Лин «Дневник Софьи». Лу Синь заимствовал у Гоголя художественный образ и дневниковую форму, а боевой дух китайского героя уходит корнями в литературную традицию. Сознание персонажа Лу Синя обращено вовне – к оценке других людей, тогда как внутренний мир Поприщина раскрывается через исповедальную речь и интенсивный самоанализ. Между тем женские дневники отличает абсолютная интровертность и конфликт в личной сфере. Но если героиня Жадовской олицетворяет жертвенную любовь и женственность, то Софья Дин Лин разрывается между чувственным влечением и нормами морали.

Теоретическая значимость исследования. Описывается и уточняется категория безличности как ключевого поэтического принципа классической китайской литературы, детерминированного синтаксическими особенностями китайского языка (пропуск подлежащего) и эстетико-философскими установками (конфуцианская сдержанность, даосская «скрытость»). Противопоставление данного принципа исповедальной традиции русской литературы открывает перспективное направление в компаративистике. Устанавливается корреляция между становлением перволичного повествования и развитием психологизма. Компаративный анализ позволяет определить, что для раннего этапа развития жанра художественного дневника характерны слияние перспектив нарратора и персонажа, использование приема самоанализа и раскрытие внутреннего конфликта. Обозначаются два вектора психологизма: «внутри» (саморефлексия «маленького человека» у Гоголя) и «вовне» (социальный протест у Лу Синя). Выявляются специфические черты самоанализа в женской дневниковой прозе. Описываются три типа нарратива в китайской дневниковой прозе (саморефлексивный, сентиментальный, ориентированный на внешнюю реальность). Исследование вводит в российский научный оборот ряд китайских текстов и разрабатывает теоретическую базу для их анализа. Полученные выводы вносят вклад в уточнение понятийного аппарата нарратологии, исторической

поэтики и сравнительного литературоведения, обладают потенциалом для использования в трудах по теории нарратива, поэтике дневника, проблемам психологизма и русско-китайской компаративистике.

Практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть востребованы при создании учебных курсов и пособий по теории литературы (в разделах, посвященных нарратологии, литературным родам и жанрам, психологизму), истории китайской литературы XX века.

Достоверность полученных результатов обеспечивается согласованностью выбранных методологических установок, опорой на актуальные и авторитетные источники, логикой исследования и большим объемом изучаемого материала.

Апробация диссертации. Основные результаты работы излагались и обсуждались в рамках научных семинаров кафедры теории литературы МГУ имени М.В. Ломоносова, были представлены на XXXI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 12-26 апреля 2024). Основные результаты исследования отражены в 5 публикациях, 4 из них – в российских рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Вклад автора диссертации в статьи, написанные в соавторстве с И.Н. Исаковой, составляет больше половины и заключается в том, что диссертант проанализировал феномен безличности в классической китайской литературе (ярко представлен в лирических произведениях), это легло в основу сравнительного анализа перволичного повествования двух национальных традиций. Кроме того, автор диссертации ввел в российский научный оборот китайские литературные тексты, послужившие материалом для сравнительного анализа.

Структура работы: диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка (247 позиций). Общий объем диссертации – 178 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации и рассмотрена степень ее изученности. Определены предмет и объект исследования, сформулированы цель и задачи. Обозначены материал, теоретическая и методологическая основа работы, а также ее научная новизна. Подтверждена достоверность полученных результатов, перечислены основные положения, выносимые на защиту. Представлены данные об апробации результатов, а также о структуре диссертации.

Глава I «Категория лица в языке художественного произведения» посвящена сопоставительному анализу выражения категории лица в классической китайской и русской поэзии. Анализ исходит из принципиального различия литературных парадигм. В Китае поэзия на протяжении веков оставалась практически единственной признанной и высшей формой художественного творчества⁵², служа главным способом выражения личных чувств и устремлений⁵³. Русская же поэзия, сформировавшаяся в контексте европейской культурной традиции, представляет собой иную модель лирического высказывания.

В первом параграфе *«Первое лицо в поэтическом языке»* описываются семантика и функции первого лица и сопоставляется их проявление в русской и китайской поэзии. В поэзии «я» колеблется от обобщенного, способного к отождествлению с другими, до эмпирического, ограниченного конкретным эпизодом⁵⁴. Ключевым свойством европейской лирики является эгоцентризм, выраженный через личный, локативный и временной дейксис⁵⁵. Местоимение «я» служит важным способом обозначения лирического субъекта⁵⁶. В русской поэзии (рассмотрены примеры из творчества Е.А. Баратынского, А.С. Пушкина, А.А. Фета)

⁵² Кравцова М.Е. Теория и жанры литературы // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3 / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Вост. лит, 2008. С. 148.

⁵³ См.: 刘勰. 文心雕龙. 北京: 中华书局, 2012. 第 57 页. [Лю Се. Резной дракон литературной мысли. Пекин: Чжунхуа шуцзюй. С. 57.]

⁵⁴ Ковтунова И.И. Категория лица в языке поэзии // Поэтическая грамматика. М.: Азбуковник, 2006. С. 21.

⁵⁵ Мешков М.Н. Местоимения и обращения в русской лирике XIX века (коммуникативный аспект): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Елец, 2011. С. 10.

⁵⁶ Мурашева О.П. Семантика и функции местоимений в поэтическом текста // Ярославский педагогический вестник. № 1-2 (38-39). 2004. С. 13–19.

высокая частотность первого лица связана с индивидуальными переживаниями субъекта.

В китайской поэзии доциньской эпохи (до 221 до н.э.), до установления строгих поэтических норм, лирический субъект тоже часто обозначался местоимениями первого лица. Так, в сборнике «Книга песен и гимнов» (Шицзин 诗经, XI?–VI? вв. до н.э.) лирический субъект в образе «я» присутствует более чем в 55% стихотворений⁵⁷, нося обобщенный характер. В поэме Цюй Юаня «Скорбь разлученного» (Лисао 离骚, 373 строки) форма первого лица используется 85 раз, приобретая эмпирические черты и отражая самоидентификацию субъекта, заботу об Отечестве и конфликт идеала с реальностью.

Во втором параграфе *«Третье лицо в поэтическом языке»* определяются способ и степень скрытости лирического субъекта в русской и китайской поэзии, с акцентом на роли безличных конструкций как средства объективации авторского сознания. В русской поэзии (например, у Ф.И. Тютчева и Н.А. Некрасова) безличные конструкции используются для передачи обобщенного восприятия действительности. В китайской же поэзии личные формы зачастую отсутствуют вовсе. В поэзии династии Тан (618–907) на это влияют строгие метрические ограничения (формы четверостиший и восьмистиший объемом в 20, 28, 40 или 56 иероглифов), что приводит к максимальному сокрытию авторского сознания. Так, в стихотворении Ли Бо «Думы в ночной тиши» (Цзин е сы 静夜思) автопсихологический и автобиографический мотив тоски по родине растворяется в универсальном переживании благодаря безличным конструкциям. В восьмистишии Ду Фу «Лунная ночь» (Юэ е 月夜) субъект переживания и вовсе не обозначен, это открывает возможность различных интерпретаций: говорит ли тоскующий вдали от семьи муж или сторонний наблюдатель?

В третьем параграфе *«Культурные истоки категории лица: безличность как поэтический принцип»* рассматривается философский и культурный

⁵⁷ 谭君强. 论叙事学视阈中抒情诗的抒情主体 // 云南师范大学学报. 哲学社会科学版. 2016. 第3期. 第130页. [Тань Цзюньцян. О лирическом субъекте в лирике с точки зрения нарратологии // Юньнань шифань дасюэ сюэбао. Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань. 2016. №3. С. 130.]

фундамент безличности в русской и китайской литературах. Безличные конструкции отражают скромность и самоуничижение, что характерно для азиатских культур, а также для русской традиции, занимающей промежуточное положение между азиатской сдержанностью и западным самовыражением⁵⁸. В христианской традиции безличность связана с идеей молчания о себе и выражением истины в форме афоризмов и сентенций⁵⁹, хотя здесь же развита традиция исповеди, способствующая саморефлексии и самоанализу в литературе.

Феномен безличности в китайской культурной традиции уходит корнями в ее эстетико-философские основы. Конфуцианство культивирует идеал сдержанности, подчеркивая умеренность в выражении эмоций и нормативный образ «благородного мужа». Даосизм возводит в принцип искусство молчания, исходя из представления о том, что высшая истина невыразима, а подлинная красота постигается в безмолвии. Данные установки нашли прямое отражение как в высказываниях основоположников этих учений – Конфуция («Суждения и беседы» (Лунь юй 论语)) и Лаоцзы («Книга о пути жизни» (Даодэцзин 道德经)), так и в позднейших поэтических трактатах («Резной дракон литературной мысли» (Вэнь синь дяо лун 文心雕龙) Лю Се (刘勰, 465?–532?)). Так, китайская эстетика сфокусирована на метафизическом постижении жизни, что принципиально отличается от западной традиции, в большей степени ориентированной на внешние контрасты и проработку деталей.

Глава II «Перволичная форма повествования в русской и китайской прозе» состоит из четырех параграфов.

Первый параграф *«Исповедальный монолог как характерный тип самовысказывания в русской прозе»* посвящен особенностям исповедального монолога в русской прозе, который развился под влиянием христианской традиции. Для него характерны искренность, саморефлексия и диалог с Богом. Эта форма стала художественной доминантой в «Житии протопопы Аввакума», где показан

⁵⁸ Зарецкий Е.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками). Астрахань: Астраханский университет, 2008. С. 461.

⁵⁹ Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М.: Русские словари, 2002. С. 109.

психологический процесс осознания греха и покаяния⁶⁰. В классической литературе исповедальный монолог стал ключевым способом изображения внутреннего мира персонажей и развития их личности⁶¹, что особенно заметно в творчестве Ф.М. Достоевского. Отмечается генетическая связь между жанрами исповеди и дневника⁶². Исповедальная интенция явно прослеживается в таких произведениях, как «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя, «Отрывки из дневника молодой женщины» Ю.В. Жадовской и «Дневник семинариста» И.С. Никитина, где перволичное повествование позволяет раскрыть душевные переживания героев.

Во втором параграфе *«Элементы самовысказывания и женский монолог в классической китайской литературе»* рассматривается персональное высказывание в танских новеллах и классических пьесах. Анализируются повествование от первого лица в новелле «Прогулка в пещеру бессмертных» (Ю сянь ку 游仙窟) Чжан Чжо (张鷟, 660?–740?), вставное письмо героини в «Повести об Инъин» (Инъин чжуань 莺莺传) Юань Чжэня (元稹, 779–831), монологи и песни героинь в пьесах Ван Шифу (王实甫, 1260?–1336?) «Западный флигель» (Си сянь цзи 西厢记) и Тан Сяньцзу (汤显祖, 1550–1616) «Пионовая беседка» (Мутань тин 牡丹亭): внутренний монолог (особенно женских персонажей) в классической китайской литературе нередко облекается в поэтическую форму, изобилует лирико-сентиментальными размышлениями и тесно связан с мотивами любви, разлуки и тоски. Отмечается также, что сентиментальное начало проявляется в художественных дневниках начала XX века, таких как «Дневник Лиши» (Лишидэ жицзи 丽石的日记, 1923) Лу Инь (庐隐, 1898–1934) и «Праздник фонарей» Ши Чжэцуня. В этих текстах мимолетные мысли и эмоции передаются через реминисценции на классическую литературу.

В третьем параграфе *«Перволичная форма повествования в классической*

⁶⁰ Луцевич Л.Ф. Автобиографические исповеди в литературе. Претексты. Тексты. Контексты. М.: Наука, 2020. С. 478.

⁶¹ Кудлай О.С. Исповедальный монолог в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского и «Мнимых величинах» Н.В. Нарокова // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 2. С. 63.

⁶² Ромашкина М.В. Дневник: эволюция жанра // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15447> (дата обращения: 05.11.2025).

китайской жанровой системе» рассматривается перволичная форма повествования в сунских записках и танских новеллах, маркированных иероглифом «цзи» (记). Анализируются разные способы зашифровки субъективности автора: афористическая форма высказывания, опущение местоимений первого лица, обращение к собственному имени, должности или прозвищу, апелляция к чужому опыту – к предкам или конфуцианскому идеалу «благородного мужа». Например, в «Записках о беседке Пьяного старца» (Цзуй вэн тин цзи 醉翁亭记) Оуян Сю называет себя «губернатор» или «пьяный старец», а в «Записках о башне Юэян» (Юэян лоу цзи 岳阳楼记) Фань Чжунъянь апеллирует к древним мудрецам. Таким образом, в классических китайских записках первое лицо обычно имплицитно и ориентировано на коллективное сознание.

В произведениях сяшо, маркированных как «цзи», автор акцентирует внимание на событиях, чаще используя повествование от третьего лица. Даже в рассказе от первого лица автор нередко называет себя подлинным именем (например, «Древнее зеркало» (Гу цзин цзи 古镜记) Ван Ду (王度, 585?–625?), «Записки о сне в эпоху царства Цинь» (Цинь мэн цзи 秦梦记) Шэнь Ячжи (沈亚之, 781 – 832)). В новеллах (например, «Прогулка в пещеру бессмертных» Чжан Чжо и «Путешествие в далекое прошлое» (Чжоу Цинь син цзи 周秦行记) Ню Сэнжу (牛僧孺, 780 – 848)) также встречаются местоимения первого лица, но они выполняют шаблонную функцию, описывая стандартные ситуации встречи с чудом. Так, повествование от первого лица в танских новеллах часто связано с мотивами сновидения и чудесного приключения, демонстрирующими необычные события, при этом оно не отмечено психологизмом.

Четвертый параграф *«Модификация перволичной формы повествования в современной китайской жанровой системе»* посвящен особенностям перволичного повествования в китайской прозе первой половины XX века, проявляющимся в разных жанрах (мемуарно-автобиографической прозе, художественных записках и дневниках): данный тип повествования служит для выражения авторской позиции через сочетание внешней и внутренней точек зрения,

а также слияние нарратора с протагонистом.

В мемуарно-автобиографической прозе (например, у Лу Синя) перволичное повествование часто ведется через детскую точку зрения, что выступает инструментом социальной критики. Другие авторы (Ши Чжэцунь, Лин Шухуа (凌叔华, 1900 – 1990)) глубже исследуют внутренний мир ребенка. Появляются и фантастические произведения в форме путевых записок, такие как «Записки о Кошачьем городе» (Маочэн цзи 猫城记, 1932) Лао Шэ, где ирония и аллегория используются для критики общества. Художественные дневники становятся ключевой формой прямого выражения внутреннего мира и саморефлексии самых разных персонажей (у Лу Синя, Дин Лин, Мао Дуня). Фокус смещается с внешних событий на внутреннее «я» героя, которое одновременно предстает и субъектом, и объектом исследования.

Глава III «Проблема повествования от первого лица в жанре дневника» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе *«Проблема повествования от первого лица: тип нарратора и точка зрения»* приводятся теоретические подходы к анализу повествования от первого лица. Описывается типология нарратора, основанная на степени его вовлеченности в историю и перспективе изображения (работы Ж. Женетта, Н. Фридмана, Ф.К. Штанцеля, В. Шмида). Характеризуется два основных типа – нарратор-свидетель и нарратор-протагонист. При этом последний отличается почти полной ограниченностью рамками собственного сознания – его мыслями, чувствами и субъективным восприятием.

Наряду с этим отмечается явление удвоения точек зрения – повествующего «я» и переживающего «я» в ретроспективном повествовании. Ретроспективная точка зрения нередко оказывается внешней по отношению к опыту прошлого «я», а его описание приобретает суммарно-обозначающий характер⁶³. Например, в мемуарах А.И. Герцена «Былое и думы» и воспоминаниях Лу Синя «Утренние

⁶³ 申丹. 叙述学与小说文体学研究. 北京: 北京大学出版社, 2019. 第 190 页. [Шэнь Дань. Нарратология и стилистика прозы. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2019. С. 190.]

цветы, собранные вечером» (Чжао хуа си ши 朝花夕拾, 1926) детское восприятие мира служит материалом для рефлексии взрослого нарратора. Однако в ретроспективном повествовании встречается особый случай, когда нарратор полностью погружается в прошлое событие⁶⁴. Слияние двух точек зрения создает необычные риторические эффекты – напряжение и непосредственность. Этот нарратив особенно заметен в жанре дневника, где временной и психологический разрыв между «я»-повествующим и «я»-переживающим минимален или вовсе отсутствует.

Второй параграф «*Тип нарратора и психологизм в жанре дневника*» описывает формы повествования в дневниковом жанре, где тип нарратора зависит от объекта фиксации. Согласно классификации О.Г. Егорова, основанной на психологической установке автора/нарратора, существует четыре типа дневников⁶⁵: 1) экстравертивный – акцент на внешних событиях (исторических фактах, социально-политических делах, семейно-бытовой жизни), соблюдение реального потока времени; 2) интровертивный – фокус на внутреннем мире, размышления на отвлеченные темы (философские, нравственные), субъективное восприятие времени; 3) переходящий – переход с одного объекта изображения на другой; 4) осциллирующий – динамичное чередование объектов изображения. Эти типы демонстрируют, что перволичное повествование в дневниковой прозе колеблется между нарратором-протагонистом, погруженным во внутренний мир, и нарратором-наблюдателем, фиксирующим внешнюю реальность.

Вместе с тем отмечается, что художественные дневники, появившиеся с развитием психологизма, обычно являются интроспективными или осциллирующими, причем на ранних этапах жанра ключевую роль часто играют интровертивные элементы. Такие дневники отличаются слиянием точек зрения нарратора и персонажа, использованием прямого психологизма (самоанализа, рефлексии, внутреннего конфликта, а также включения «чужого слова»).

⁶⁴ Shen Dan. Difference Behind similarity: Focalization in First-Person Narration and Third-Person Center of Consciousness // Acts of Narrative, ed. Carol Jacobs and Henry Sussman. Stanford: Stanford UP, 2003, P. 89–90.

⁶⁵ Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века: история и теория жанра. М.: ФЛИНТА, 2022. С. 134–146.

Глава IV «Психологизм в художественных дневниках» состоит из четырех параграфов.

Первый параграф *«Дневник “сумасшедшего”»* посвящен сравнительному анализу одноименных повестей-дневников Н.В. Гоголя и Лу Синя *«Записки сумасшедшего»*. В нем рассматриваются сходства и различия этих произведений, выявляются их контактные связи, а также сопоставляется мотив безумия в русской и китайской культурных традициях.

Гоголь и Лу Синь развивают в литературах своих стран психологическую прозу от первого лица в форме дневника «сумасшедшего», в котором тонко изображен внутренний мир личности. В обоих текстах воспроизводится психологический процесс переконструирования самоидентичности. Структура «Записок» Гоголя такова: критика общества – расстройство героя – переосмысление себя – обращение за помощью; герой у Лу Синя переживал подобный процесс самоконструирования: переосмысление общества – просвещение людей – переосмысление себя – обращение за помощью.

Творчество Лу Синя напрямую испытало влияние Гоголя. Из повести русского классика китайский писатель заимствовал такие элементы, как дневниковая форма, перволичное повествование, тема безумия и образ «сумасшедшего», а также психологическая глубина и ирония⁶⁶. Существование этой литературной связи подтверждается собственными словами Лу Синя, который видел в русской литературе источник опыта для борьбы с угнетением и просвещения народа⁶⁷.

При этом герои Гоголя и Лу Синя демонстрируют принципиально разные типы сознания. Гоголевский Поприщин, страдающий манией величия, замыкается на собственном «я» («я» – «благородный чиновник», «король Испании»), превращая его в центр мироздания. Речь персонажа, воплощающая язык

⁶⁶ 王富仁. 鲁迅前期小说与俄罗斯文学. 天津: 天津教育出版社, 2008. 第 41–42 页. [Ван Фужэнь. Ранние повести Лу Синя и русская литература». Тяньцзинь: Тяньцзинь цзяюй чубаньшэ, 2008. С. 41–42.]

⁶⁷ См.: Лу Синь. Как я начал писать / Пер. с кит. В.С. Позднеевой // Лу Синь. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1955. С. 122–125; Лу Синь. Приветствую литературные связи Китая и России / Пер. с кит. В.С. Позднеевой // Лу Синь. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1955. С. 98–102.

«маленького человека» своей эпохи, сама становится объектом авторской критики. В результате центральным предметом изображения у Гоголя оказывается «чужое слово» – дискурс, усвоенный автором извне. Кроме того, Поприщин остается бессильным перед средой («Спасите меня! возьмите меня! дайте мне тройку быстрых... Матушка, спаси твоего бедного сына»⁶⁸), что характерно для героев «натуральной школы».

Тем временем герой Лу Синя, движимый манией преследования, сфокусирован на социуме. Он переосмысливает окружающих людей, видя в них общее («они» – «злые», «людоеды»). «Безумец» китайского писателя – это просветитель, чья мировоззренческая позиция близка авторской. Он обличает бесчеловечность и фальшь феодального общества, стремясь освободить личность от рабской психологии и утвердить ее субъективность, что отражает боевой дух интеллектуалов той эпохи («Немедленно раскайтесь, раскайтесь чистосердечно! Знайте, что в будущем не потерпят людоедов»⁶⁹).

Расхождение между двумя образами обусловлено различиями в социокультурном контексте. В русской культуре «сумасшедший» отчасти близок к юродивому, он сочетает в себе черты благородства и низости. А «безумец» в китайской традиции – исключительно положительный персонаж: с одной стороны, он дает возможность выйти за рамки конфуцианской этики и обрести духовную свободу (например, сумасшедший монах в романе «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня), а с другой – воплощает конфуцианский идеал служения народу, выражающийся в стремлении просветить людей (например, поэт Цюй Юань).

Во втором параграфе *«Дневник женщины»* проводится сравнительный анализ двух повестей-дневников – «Отрывков из дневника молодой женщины» Ю.В. Жадовской и «Дневника Софьи» Дин Лин. Исследование выявляет общие стилевые и композиционные черты, свойственные женскому повествованию в русской литературе середины XIX века и китайской литературе начала XX века:

⁶⁸ Гоголь Н.В. Записки сумасшедшего // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1959. С. 196.

⁶⁹ Лу Синь. Записки сумасшедшего / Пер. с кит. С. Тихвинского // Лу Синь. Избранное. М.: Художественная литература, 1989. С. 62.

внутренний конфликт героинь, акцент на эмоциональных переживаниях, фрагментарность и нелинейность изложения.

С одной стороны, обе героини сталкиваются с внутренними конфликтами, связанными с противоречием между их чувствами и социальными нормами. В повествовании женщины, как и «сумасшедшего», прослеживается внутренний диалог с чужим словом, отражающим отношение социума к женщине: «Зачем они хотят унижить меня названием ребенка?»⁷⁰ (Жадовская); «Они давно уже решительно подарили мне такие клички, как “гордячка”, “сумасбродка”»⁷¹ (Дин Лин).

С другой стороны, внутреннему конфликту сопутствует хаотичное самоопределение, которое воспроизводится через фрагментарную речь. Женщинам трудно найти уместный язык для выражения собственного опыта, поэтому они часто используют слова со значением неопределенности – «странный», «непонятный», «невыразимый», «безумный», «может быть», «кто знает», авторская пунктуация отмечается обилием многоточий, а среди частотных синтаксических средств можно выделить риторические вопросы. Кроме того, тексты включают ряд повторяющихся мотивов, которые преимущественно касаются эмоционального состояния героинь: одиночества, печали, тоски, грусти, страдания, любви, страсти, порыва, безумия и т.д.

Помимо этого, выявляются различия между двумя женскими образами, обусловленные социокультурным контекстом. Мина, героиня Жадовской, представляет собой типичный образ женщины XIX века, страдающей от холодности мужа и одиночества, но сохраняющей веру в Бога и гармонию с природой. Героиня обретает покой в молитве, сочувствует страданиям мужа, прощает его измену и ради него готова пожертвовать собой. Софья, героиня Дин Лин, живет в эпоху социальных перемен в Китае начала XX века, что усиливает ее внутренний конфликт и чувство отчаяния, она ненавидит все, в том

⁷⁰ Жадовская Ю.В. Полное собрание сочинений: посмертное издание. Т. 1: биография, стихотворения, повести. СПб.: Издание П.В. Жадовского, 1885. С. 245.

⁷¹ Дин Лин. Избранное / Пер. с кит. Я. Шурсвины и В. Слобновы; под ред. С.И. Марголиса. М.: Изд-во иностранной литературы, 1954. С. 87.

числе себя.

В третьем параграфе *«Психологизм в китайской дневниковой прозе первой половины XX века»* рассматривается эволюция психологизма в китайской дневниковой прозе первой половины XX века, анализируются четыре художественных дневника, написанные в 1930–1940-е гг. В рассказе «Праздник фонарей» Ши Чжэцуня показано подсознательное сексуальное влечение юного героя. В произведении заметны черты китайского сентиментализма: внимание героя сосредоточено на портрете героини, а эмоции передаются через поэтическую цитату. В повести «Записки из мира духов» Чжан Тяньи использует дневник для отстраненной сатиры, детально показывая гротескное отражение реального общества через диалоги персонажей и описательные монологи главного героя Хань Шицзяня. В отличие от «Записок из мира духов», в антиутопии «Мы» Е.И. Замятина главный герой эмоционально вовлечен в рассказываемую историю. В повести Ба Цзиня «Палата № 4» главный герой Лу Хуайминь, оказавшийся в больнице, отстраненно фиксирует мрачную действительность этого микрообщества. Его мысли и эмоции сдержанны и мимолетны. В романе-дневнике «Распад» Мао Дуня перволичное повествование сочетает внутреннюю рефлексию и внешнюю конкретику. Автор погружается в сознание отрицательной героини Чжао Хуймин – сотрудницы гоминьдановской спецслужбы: персонаж разрывается между служебным долгом и муками совести. Сатира проявляется не только через описание событий, но и через ее самоанализ самообвинения, самооправдания и самозащиту героини.

Показано, как в китайской дневниковой прозе первой половины XX века произошел переход от нарратора-протагониста к нарратору-наблюдателю, от психологизма к сатире и, соответственно, как сместился фокус с личности на социум. Китайские авторы тяготеют либо к сентиментальному, фрагментарному изображению внутреннего мира, либо к объективности, тогда как русские писатели рассматривают внешний мир в качестве повода для глубоких размышлений. Это различие коренится в культурных традициях, связанных с безличностью и исповедальностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении подведены итоги диссертационного исследования. Установлено, что перволичная форма повествования в двух странах демонстрирует как типологическую общность, так и существенные различия, обусловленные спецификой историко-культурных контекстов.

Классическая китайская поэзия оказала влияние на развитие всей национальной литературной традиции. Как для поэзии, так и для прозы характерна эстетика безличности, выражающаяся в скрытости авторского сознания и растворении индивидуального в универсальном. Это особенность обусловлена как пропуском подлежащего, так и эстетико-философскими установками (конфуцианская сдержанность, даосская «скрытость»). Влияние этой поэтической системы прослеживается и в художественных дневниках XX века. При этом внутри самой традиции существует важная контрапунктная линия, берущая начало в поэме Цюй Юаня «Лисао». Ее ярко выраженное эмпирическое «я» и социальный пафос стали ключевой точкой отсчета для традиции я-высказывания, влияние которой ощутимо в дневниковой прозе Лу Синя. Однако уже в 1930–40-е гг. в китайском дневниковом жанре произошел переход от нарратора-протагониста к нарратору-наблюдателю, от прямого психологизма к социальной сатире, что можно рассматривать как возвращение к национальной традиции безличности.

В отличие от китайской, русская поэзия, наследуя западноевропейскому романтизму, утверждает местоимение «я» в качестве ключевого маркера лирического субъекта. Прозаическая же традиция, берущая начало в агиографической литературе, тяготеет к исповедальности и углубленному самоанализу. Эта установка находит свое закономерное и полное воплощение в русской дневниковой прозе XIX века.

Расцвет перволичного повествования (в России середины XIX века и в Китае начала XX века) был отмечен всплеском интереса к художественному дневнику. Типологические схождения представлены в двух парах текстов: повести Н.В. Гоголя и Лу Синя «Записки сумасшедшего», а также повести Ю.В. Жадовской «Отрывки из дневника молодой женщины» и Дин Лин «Дневник Софьи». Лу Синь

заимствовал у Гоголя образ сумасшедшего, дневниковую форму и прием психологизма, но создал героя-просветителя, критикующего общество, тогда как герой Гоголя — «маленький человек», чье осмысление действительности происходит через самоанализ и исповедь. Женские дневники отличает абсолютная интровертность, конфликт между эмоциональной сферой автопсихологических героинь и жестоким патриархальным порядком. Но героиня Жадовской воплощает жертвенную женственность и глубокую веру в Бога, а Софья Дин Лин — борьбу между традиционным аскетизмом и новой свободой в любви.

Тема сохраняет исследовательскую перспективу для изучения перволичного повествования других маргинальных субъектов, его трансформации в новейшей китайской литературе и сопоставления иных форм эго-документов.

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук:

1. Линь Инин. Жанр дневника сумасшедшего у Н.В. Гоголя и Лу Синя – анализ одноименных повестей «Записки сумасшедшего» с текста до контекста // *Litera*. 2022. № 3. С. 44–59. 1,2 а. л. Импакт-фактор РИНЦ: 0,298. EDN: GDPBLU.

2. Линь Инин. Эволюция жанра дневника в китайской литературе // *Вестник Пятигорского государственного университета*. 2024. № 2. С. 47–50. 0,6 а. л. Импакт-фактор РИНЦ: 0,132. EDN: WPUSBG.

3. Линь Инин, Исакова И.Н. Безличные конструкции как способ повествовательной зашифровки лирического субъекта в древнекитайской поэзии // *Мир науки, культуры, образования*. 2024. № 4 (107). С. 525–528. 0,7 а. л. Импакт-фактор РИНЦ: 0,575. EDN: HDVFE.

4. Линь Инин. Проблема повествовательного лица в ракурсе китайской нарратологии: эволюция нарративной перспективы в китайской литературе // *Litera*. 2025. № 12. С. 12–20. 0,7 а. л. Импакт-фактор РИНЦ: 0,298. EDN: MXAFYN.

Иные публикации по теме диссертации:

5. Линь Инин, Исакова И.Н. Жанр дневника как форма изображения женского самосознания в повестях «Отрывки из дневника молодой женщины» Ю.В. Жадовской и «Дневник Софьи» Дин Лин // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2024. № 01/2. С. 149–154. 0,8 а. л. Импакт-фактор РИНЦ: 0,105. EDN: RLVEZA.